

А. А. Суворов

Малый спор в большой социологии науки

Андрей Александрович Суворов — студент 4 курса Философско-социологического факультета ИОН РАНХиГС. **Адрес:** Москва, проспект Вернадского, д. 82, стр. 2. **Электронная почта:** as2453@yandex.ru.

Аннотация: Статья посвящена анализу научного конфликта, возникшего в профессиональном онлайн-сообществе социальных исследователей вокруг применения одного из исследовательских методов. На примере этого локального и, на первый взгляд, незначительного спора автор ставит вопрос о границах применимости классических социологических теорий научных конфликтов (П. Бурдье, Р. Коллинза, С. Шейпина и С. Шаффера, М. Моргана и П. Баерта). Показано, что в отличие от исторически значимых споров, разбиравшихся классиками социологии, настоящий кейс лишён макроструктурных оснований, однако этот контраст указывает не столько на незначительность самого случая, сколько на устойчивый перекося дисциплинарного взгляда в пользу конфликтов с долгосрочными последствиями. Наиболее продуктивной рамкой для анализа оказывается концепция академической (де)цивилизации М. Соколова, позволяющая интерпретировать спор как столкновение не столько методологических позиций, сколько различных представлений о цивилизованной манере ведения дискуссии в условиях отсутствия внешнего арбитра. В статье демонстрируется, как аффективные выпады одного из участников привели к смещению фокуса с содержания метода на манеру ведения дискуссии.

Ключевые слова: научные конфликты, социология науки, академическая цивилизация, российская социология, социология знания, социология социального и гуманитарного знания.

Для цитирования: Суворов, А. А. Малый спор в большой социологии науки // Пути России. 2026. Т. 4. № 2. С. 72–96.

Это профессиональное сообщество. Тут сидят практикующие специалисты и люди с учеными степенями. И Инициатор¹.

Прагматик

Отправной точкой статьи стал спор, развернувшийся в профессиональной группе социальных исследователей. Один из участников, много лет проработавший в прикладной социологии, инициировал дискуссию о применении метода фокус-групп. В какой-то момент он (далее — Инициатор) предложил коллегам описать свой опыт работы с этим методом и обозначить его ограничения. Один из специалистов согласился (далее — Практикующий модератор). Предложение поначалу вызвало заметный энтузиазм. Участники обсуждали возможность создать отдельный чат по методологии, где все желающие могли бы совместно обсуждать фокус-группы. Для этого была организована онлайн-встреча, в ходе которой Практикующий модератор кратко рассказал, как он проводит фокус-группы. Все желающие могли слушать и участвовать в дискуссии. В ходе выступления другой участник (далее — Деталист) задал несколько уточняющих вопросов о роли эмоций, о границах дискуссии, о том, можно ли переносить техники глубинного интервью в групповой формат. Практикующий модератор отвечал спокойно, признавая, что над некоторыми вопросами раньше не задумывался. В какой-то момент Инициатор посчитал, что часть вопросов Деталиста не относятся к теме и ставят Практикующего модератора в неловкое положение. Уже они вдвоем стали

¹ Не так давно в научном сообществе произошёл спор о методе. Дискуссия была публичной, в ней мог участвовать любой желающий, а за ходом обсуждения следили многие исследователи. Поскольку автор не ставит перед собой задачу судить о профессиональных качествах коллег и не хочет, чтобы у читателя формировалось негативное отношение к участникам дискуссии, все действующие лица спора скрыты за условными обозначениями. *Инициатор* — тот, кто начал разговор о методе фокус-групп и затем оказался в эпицентре конфликта. *Деталист* — его оппонент, задававший на онлайн-встрече уточняющие вопросы. *Прагматик* — специалист, вступивший в спор с собственным развёрнутым видением метода. *Старожил* — опытный исследователь, с самого начала наблюдавший за происходящим с заметной долей иронии. *Практикующий модератор* — исследователь, давно применяющий метод на практике. Обозначения выбраны условно и могут не характеризовать личные и профессиональные качества участников. Для более удобного восприятия лица спора будут писаться с большой буквы и курсивом. Автор настоящей работы не был участником спора, но внимательно наблюдал за его ходом.

обсуждать метод фокус-групп. Организатор предложил продолжить диалог в общем группе, на этом встреча завершилась. Запись стала доступна для всех желающих. Один из участников (далее — Старожил), наблюдая за подготовкой и анонсами, с откровенной усмешкой комментировал саму затею, давая понять, что воспринимает её не как серьёзное методологическое предприятие.

На следующее утро Инициатор выложил в общую онлайн-группу стенограмму обсуждения и обвинил Деталиста в некомпетентности, нарушении научной этики и применении манипулятивных техник, которые, по его мнению, мешали конструктивному обсуждению. Деталист ответил, что его вопросы были искренними и относились к теме, а если бы они были неуместны, его могли бы остановить. В спор вступил еще один важный участник обсуждения (далее — Прагматик), который по пунктам расписал, как он понимает метод фокус-групп. На его тезисы резко отреагировал Инициатор и заявил, что они производят впечатление умозрительных, написанных человеком, не имеющим систематического опыта проведения фокус-групп. По его мнению, Прагматик, вероятно, провёл лишь единичные «группы», а его обобщения не отражают реальной практики. Прагматик подробно возразил, ссылаясь на свой многолетний опыт. После небольшой перепалки Инициатор предложил взять у него интервью, чтобы детально разобрать позиции друг друга. Однако Прагматик отказался от устного разговора, предложив вместо этого всем желающим письменно задать ему вопросы, на которые впоследствии он подробно ответил. К дискуссии быстро подключились десятки коллег. Спор перестал быть простым обменом мнениями о методе, некоторые участники переходили на личности. Другие — призвали к прекращению оскорблений. В частности, владелец группы несколько раз пытался вернуть обсуждение в конструктивное русло, но безуспешно. В итоге он принял решение временно заблокировать Инициатора, попросив всех взять паузу в обсуждении фокус-групп. Конфликт на этом затих, однако специалисты ещё несколько дней обсуждали не столько метод, сколько границы допустимого в профессиональных дискуссиях².

² Одной из главных проблем, с которой столкнулся автор статьи, является то, что более подробный пересказ конфликта может привести к деанонимизации участников. Чем детальнее воспроизводится ход дискуссии, включая точные формулировки реплик, временные границы конфликта, описание индивидуальных стилей аргументации и косвенные отсылки к профессиональным биографиям, тем выше вероятность того, что даже при замене имён на псевдонимы отдельные участники станут слишком узнаваемы. По этим причинам мы не можем указать, например, даты спора и используемую онлайн-платформу. Также во время анализа конфликта, мы обращались к академическим и другим работам участников, чтобы лучше понять их позиции.

Подобные конфликты сами по себе не редкость. Учёные постоянно сталкиваются с критикой со стороны коллег на конференциях, в рецензиях, критических статьях или в коридорах академии. Однако редко научный спор получает столь подробную письменную фиксацию и разворачивается при активном участии большого числа специалистов на глазах у профессионального сообщества. Споры о методах — неотъемлемая часть истории социальных и гуманитарных наук. Профессиональные сообщества для того и существуют, чтобы обсуждать и рефлексировать собственный опыт. Однако в нашем случае дискуссия вспыхнула вокруг метода, который давно и прочно вошёл в исследовательский арсенал. Фокус-группы используют в социологии, политическом консалтинге, маркетинге и во многих других сферах. Метод фокус-групп включен в курсы по методологии, о нем пишут статьи на русском языке, то есть для российской аудитории его трудно назвать новым. Более того, участники диспута хорошо знакомы с ним и сами применяют его в работе. Тогда почему возник этот конфликт и что мы можем из него извлечь для более общего анализа научных споров? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо сначала обратиться к каноническим работам, в которых поднимались схожие проблемы.

В социологии знания можно выделить два фундаментальных подхода. Консенсусный подход исходит из представления о науке как о сфере, интегрированной общими нормами, процедурами проверки знания и разделяемыми критериями рациональности. В этой перспективе разногласия рассматриваются как временные расхождения, возникающие в процессе уточнения знаний и постепенно преодолеваемые по мере накопления эмпирических данных и совершенствования аргументации. Консенсус при этом выступает нормативным горизонтом, на который ориентирована научная деятельность. Конфликтный подход, напротив, акцентирует внимание на том, что научное взаимодействие структурировано отношениями конкуренции. Различия в позициях связываются здесь не столько с расхождениями в интерпретации, сколько с борьбой за ресурсы, признание, авторитет или право определять границы легитимного знания. С этой точки зрения споры являются не отклонением от «нормального» состояния науки, а её обычным режимом функционирования. Для дальнейшего анализа важна именно конфликтная перспектива, поскольку рассматриваемый кейс не завершился и, как кажется, не мог завершиться достижением согласия³. Далее в центре нашего внимания окажутся

³ Предлагаемое различие консенсусного и конфликтного подходов не следует понимать как онтологическое утверждение о том, что все споры устроены именно так. Следуя логике Эбботта, дихотомия имеет прежде всего эвристическую ценность, то есть помогает исследователю переключать оптику и замечать разные аспекты спора, а не навязывают единственно верную картину реальности [Abbott, 2004, p. 166]. В данном

четыре похожих интеллектуальных спора, каждый из которых получил собственную социологическую интерпретацию. Мы последуем за исследователями в Париж, Йену, Лондон и Кембридж. Вернувшись к дискуссии о фокус-группах, мы спросим себя, что из этих теорий схватывает суть нашего случая и где обнаруживаются границы их применимости. Затем будет предложена альтернативная теория, которая может нам глубже понять суть происходящего.

Париж, Йена, Лондон, Кембридж

Париж

Одну из наиболее детальных попыток объяснить, как устроены подобные споры, предпринял Пьер Бурдьё. В работе «*Nomo academicus*» он разбирает публичный скандал, который во французском литературоведении середины 1960-х годов получил название «спор о новой критике». Главными действующими лицами выступили Раймон Пикар и Ролан Барт. Пикар был профессором Сорбонны и признанным специалистом по творчеству Расина. Барт преподавал в VI секции Высшей практической школы и был тесно связан с авангардными журналами и формирующейся семиологией. В 1965 году Пикар опубликовал памфлет, где обвинил Барта и его сторонников в намеренном затемнении смысла, в пренебрежении историко-филологическими методами и в подмене анализа текста произвольными психоаналитическими и структуралистскими спекуляциями. Барт ответил книгой «Критика и истина» (1966), в которой сформулировал программное отличие «новой критики». Он заявил, что она исходит из множественности смыслов, использует современные лингвистические и антропологические инструменты и не претендует на «объективное» восстановление авторского замысла. Polemika быстро вышла за пределы узкого круга филологов. О ней писали ведущие газеты и еженедельники, такие как *Le Monde* и *Le Nouvel Observateur*. За Пикаром встало большинство профессоров Сорбонны, члены жюри конкурса агреже и «хранители канонических дисциплин»⁴. За Барта выступили левые

случае два подхода позволяют высветить ключевое различие между объяснениями и тем самым обосновать выбор конфликтной перспективы для анализа нашего кейса.

⁴ «Канонические дисциплины» — это традиционные гуманитарные науки, составляющие ядро классического университетского образования. К ним Бурдьё относит прежде всего французскую литературу, классическую филологию (латынь и греческий), древнюю историю и философию [Бурдьё, 2018, с. 199–200]. Эти дисциплины тесно связаны

интеллектуалы, социологи, лингвисты, часть студентов и многие журналисты. [Бурдые, 2018, с. 224–227].

С точки зрения Бурдые, конфликт между Бартом и Пикаром нельзя понять, исходя из одного лишь содержания их текстов. Его причина кроется в их положении внутри университетского поля как пространства объективных отношений. Пикар занимает правую позицию, тесно связанную с «университетской властью». Он был профессором Сорбонны, членом жюри конкурса агреже, то есть его компетенции целиком зависели от образовательного учреждения, которое легитимировало его как «серьёзного» ученого. Он защищал не столько Расина, сколько монополию университетских «докторов» на «легитимное» чтение и на воспроизводство иерархии дисциплин. Его риторика «скромности», «объективности» и «здорового смысла» выражала ортодоксию. Это невысказанная вера в то, что филологический комментарий является единственно естественным и законным [Бурдые 2018, с. 227–229]. Барт, напротив, не обладал степенью агреже. К тому же Барт так и не защитил докторскую диссертацию традиционным образом⁵, что окончательно лишало его доступа в консервативные университеты. Его институциональной базой стала маргинальная VI секция Высшей практической школы, где было меньше образовательных обязанностей и больше свободы для контактов с журналистикой и авангардными изданиями. Барт намеренно отказался от языка традиционной университетской филологии и обратился к лингвистике, психоанализу и антропологии. Переход на чужой научный язык не был простой данью моде. Он представлял собой продуманную стратегию конвертации культурного капитала. Исходный культурный капитал Барта, связанный с литературной эрудицией и эссеистским даром, имел низкую цену на университетском рынке, где главенствовали дипломы Высшей нормальной школы и агреже. Присваивая язык социальных наук, Барт придавал своим работам внешние признаки научной легитимности. Это позволяло ему претендовать на научный престиж, который в тот момент быстро набирал вес благодаря успехам структурализма. Одновременно он не порывал с широкой публикой и продолжал писать для журналов и газет, что приносило ему символический капитал известности. Бурдые показывает, что Барт объективно занимал позицию «еретика». [Бурдые, 2018, с. 229–232]. Таким образом, спор о новой критике — это не столкновение истины с заблуждением, а проявление фундаменталь-

со школьными программами и конкурсами, особенно с агрегацией, которая остаётся главным инструментом отбора преподавателей для среднего и высшего образования.

⁵ Барт учился в Сорбонне и получил докторскую степень в 1960 году по совокупности ранее опубликованных работ, что кардинально отличалось от многолетнего и рутинного труда, ожидавшегося от филологов.

ной структуры университетского поля [Бурдые, 2018, с. 225]. Эта структура организована вокруг оппозиции между господствующей с точки зрения светской власти ортодоксией и подчинённой, но интеллектуально новаторской ересью. Каждая сторона говорит на своём языке, но ее высказывания лишь рационализируют одно и то же, а именно место участника в силовом поле и его интерес к сохранению или изменению иерархии критериев легитимности.

Йена

В «Социологии философии» похожий взгляд предлагает Рэндалл Коллинз⁶. Рассмотрим один из споров, который упоминается в книге. В 1806 году между двумя ведущими представителями немецкого классического идеализма развернулась острая публичная полемика. Иоганн Фихте, автор «Наукоучения» и признанный лидер трансцендентального идеализма, занимал в это время позицию в Берлинском университете. Фридрих Шеллинг, его бывший ученик, к тому моменту уже разработал собственную «натурфилософию» и преподавал в Вюрцбурге, а потом в консервативном Мюнхене. Корни противостояния уходят в более ранний период, когда оба мыслителя работали бок о бок в Йенском университете. Поводом для конфликта послужила работа Шеллинга «Система трансцендентального идеализма» (1800), в которой он, формально оставаясь в рамках фихтеанской традиции, ввёл понятие абсолютного тождества субъекта и объекта, критикуя фихтевское «Я» как одностороннее [Коллинз, 2002, с. 823–825]. Фихте немедленно отреагировал публикацией в «Философском журнале», где обвинил Шеллинга в непонимании трансцендентального метода и в том, что его натурфилософия есть не более чем спекулятивная физика, не имеющая философского статуса. Шеллинг ответил открытым письмом, назвав Фихте «догматиком», застрявшим на субъективной точке зрения. В 1801 году Шеллинг издал «Изложение моей системы философии», прямо объявив свою позицию единственно истинной. Фихте парировал памфлетом «Уведомление о сущности новейшей философии», где охарактеризовал учение Шеллинга как «пустую игру понятий». Попытки посредничества со стороны Гёте и других авторитетных фигур успеха не имели [Коллинз, 2002, с. 826]. Ни одна из сторон не согласилась на личную встречу для диспута, и к 1802 году обмен резкими высказываниями прекратился из-за потери интереса.

⁶ Хотя существует серьёзная критика Коллинза в части разбора немецкого идеализма [Harrington, 2001], нам важно показать, каким образом Коллинз концептуализирует споры и насколько его теория подходит к нашему кейсу.

Согласно Коллинзу, интеллектуальная жизнь структурируется не столько содержанием идей, сколько динамикой сетей личных контактов между мыслителями, борьбой за ограниченное пространство внимания и перегруппировкой фракций в соответствии с «законом малых чисел». Этот закон гласит, что в любой период времени в устойчивом интеллектуальном сообществе может успешно существовать не более трёх-шести соперничающих позиций. Превышение этого предела ведёт к кризису, отсеиванию лишних школ или их синкретическому слиянию [Коллинз, 2002, с. 144–146]. К 1800 году немецкое философское поле оказалось переполнено. Помимо фихтеанцев и ранних шеллингианцев, здесь присутствовали кантианцы-ортодоксы, романтики, последователи Гербарта, а также влиятельные литературные круги Веймара. В такой ситуации каждое новое движение должно было не просто предложить оригинальные идеи, но отвоевать себе пространство внимания, часто через конфликт с ближайшим соседом. Фихте и Шеллинг, ранее связанные отношениями учителя и ученика, теперь занимали соседние, но несовместимые ячейки. Шеллинг пытался вытеснить учителя, объявив свою натурфилософию единственно истинной [Коллинз, 2002, с. 824]. Их публичный конфликт соответствует тому, что Коллинз называет интерактивным ритуалом высокой интенсивности. Интерактивный ритуал предполагает собрание группы (в их случае — читающей философской публики), общий фокус внимания (спорные понятия «Я» и «абсолютного тождества») и разделяемую эмоциональную вовлечённость. В ходе такого ритуала участники стремятся накопить эмоциональную энергию, в которую входят чувство уверенности, энтузиазма и право на внимание, а также повысить ценность своего культурного капитала (накопленных понятий, аргументов, репутации) за счёт девальвации капитала оппонента [Коллинз, 2002, с. 66–70]. Фихте обвиняет Шеллинга в непонимании трансцендентального метода, а Шеллинг обвиняет Фихте в догматизме и ограниченности. Несмотря на публичные вызовы, ни один из них не соглашается на личный диспут. Коллинз объясняет это рациональной оценкой рисков. Вступление в прямой спор с равным по статусу оппонентом может не повысить, а снизить эмоциональную энергию, если исход окажется неопределённым или если одна из сторон окажется более искусной в полемике [Коллинз, 2002, с. 827–828]. Вместо этого они предпочитают закреплять свои позиции через публикации и апелляцию к разным сегментам аудитории. Поскольку в немецких университетах того времени не существовало институционального арбитра, способного вынести окончательный вердикт по философскому спору, конфликт не был разрешён формально. Он привёл к тому, что фихтеанцы и шеллингианцы разошлись в разные организационные ниши и сохранили конкурирующие философские школы [Коллинз, 2002, с. 829]. Для Коллинза интеллектуальная дискуссия всегда встроена в структуру научных

школ, так как философы в конечном итоге борются за контроль над учебными позициями, издательскими проектами и преемственностью учеников. Даже неразрешённый конфликт может быть продуктивным для сети, поскольку он закрепляет позиции в пространстве внимания, привлекает последователей и создаёт долговременные линии преемственности [Коллинз, 2002, с. 114–117]. Спор Шеллинга и Фихте хоть и не разрешился, но впоследствии повысил репутацию обоих участников, так как последующие поколения немецкой философии выстраивали свои системы, отталкиваясь от их размежевания.

Лондон

Другой взгляд предлагают Стивен Шейпин и Саймон Шаффер в книге «Левиафан и воздушный насос». В августе 1661 года Томас Гоббс опубликовал «*Dialogus physicus de natura aeris*», непосредственный ответ на «*New Experiments Physico-Mechanical*» Роберта Бойля (1660). Поводом для конфликта послужила претензия Бойля на то, что сконструированный им воздушный насос позволяет производить неоспоримые материальные факты, создавая в стеклянной колбе пространство, почти полностью лишённое воздуха. Гоббс привёл ряд возражений. Он считал, что насос не может быть герметичным. Воздух проникает между кожаным поршнем и стенками цилиндра, а также через деформирующийся под давлением латунный цилиндр. Из этого следует, что в стеклянной колбе никогда не возникает вакуума. По мысли Гоббса, вместо разрежения там образуется интенсивная циркуляция воздуха, который с силой просачивается через неплотно прилегающие элементы и движется внутри замкнутой системы [Shapin & Schaffer, 2011, р. 116–117]. Если Бойль объяснял гибель животных в насосе нехваткой воздуха, то его оппонент полагал, что сильный ветер разрывал их легкие [Shapin & Schaffer, 2011, р. 121–122]. Но важнее всего то, что экспериментальный метод не может дать философского знания, поскольку не раскрывает действительных причин явлений. Особенно ожесточённой стала дискуссия вокруг эксперимента Бойля со сцеплением двух гладко отполированных мраморных дисков, помещённых в насос. Бойль ожидал, что при удалении воздуха диски разойдутся, поскольку давление атмосферы, удерживающее их вместе, исчезнет. Однако этого не произошло даже после многократной откачки. Гоббс немедленно использовал экспериментальную неудачу противника как решающее доказательство своей теории. С его точки зрения, в мире, полностью заполненном материей, два гладких тела не могут разъединиться одновременно по всей плоскости контакта. Для этого потребовалось бы бесконечно быстрое движение воздуха в образующийся зазор, что невозможно. Следовательно, объяснение Бойля

через давление воздуха ошибочно, а сами диски остаются соединёнными именно потому, что никакой пустоты между ними возникнуть не может [Shapin & Schaffer, 2011, p. 191–192]. Бойль признал, что просачивание воздуха в насос действительно существует. Из-за утечки произошла неудача с дисками, так как остаточного воздуха в колбе оказалось достаточно, чтобы удерживать их вместе. Более того, он указал, что в свободном воздухе те же диски при достаточном весе разъединяются, что подтверждает роль давления. Впоследствии Бойль модифицировал насос. Он погрузил цилиндр в воду для лучшей герметизации, заменил клапаны и уменьшил размер колбы [Shapin & Schaffer, 2011, p. 170–173]. В экспериментах, опубликованных в «Continuation of New Experiments» (1669), он добился видимого разделения дисков уже при откачке. Однако Гоббс не изменил позиции и по-прежнему ссылаясь на первый вариант эксперимента с дисками, полностью игнорируя отчёты Бойля об успехе [Shapin & Schaffer, 2011, p. 197–198]. Спор не завершился взаимным согласием, а сцепление дисков стало служить доказательством прямо противоположных физических систем.

Шейпин и Шаффер объясняют данный эпизод через понятие трёх технологий, лежащих в основе экспериментального производства материальных фактов. Воздушный насос — это материальная технология, создающая замкнутое пространство, в котором феномены становятся доступны коллективному наблюдению. Именно целостность воздушного насоса позволяет отделить факты от случайных наблюдений [Shapin & Schaffer, 2011, p. 25]. Литературная технология обеспечивает виртуальное свидетельство, то есть мысленное присутствие читателя при эксперименте без его физического повторения. Для этого Бойль детально описывал каждую часть эксперимента и намеренно включал в отчёты неудачные опыты, чтобы продемонстрировать свою честность и тем самым повысить доверие к успешным испытаниям [Shapin & Schaffer, 2011, p. 60–65]. И, наконец, социальная технология предполагает публичность, коллективное свидетельство и добровольное согласие на основе фактов [Shapin & Schaffer, 2011, p. 69–72]. Гоббс атаковал каждую из этих технологий. Указывая на неизбежную утечку воздуха в насосе, он подрывал материальную основу фактов. Если клапан не способен обеспечить герметичность, то эксперименты не могут считаться надёжными. Коллективное свидетельство Гоббс считал фикцией, так как проведение эксперимента могла наблюдать только узкая группа людей, состоящая в основном из членов Королевского общества. [Shapin & Schaffer, 2011, p. 112–114]. Виртуальное свидетельство признавалось неверным способом получения знания, поскольку истина достигается не через сомнительные эксперименты, а через дедуктивное выведение из последовательных размышлений [Shapin & Schaffer, 2011, p. 100–102, 143–145]. Для Бойля всякие попытки опровергнуть метафизику Гоббса означали признание его языка, поэтому он сосредоточился на тех-

ническом усовершенствовании насоса и проведении большего числа экспериментов. Бойль стремился оставаться в пределах правил игры, то есть факты должны быть произведены машиной, засвидетельствованы сообществом и тщательно описаны [Shapin & Schaffer, 2011, р. 194–197]. При этом он избегал прямых обвинений Гоббса, предпочитая риторику скромного экспериментатора, собирающего факты.

Для Шейпина и Шаффера важен общий контекст конфликта. В Англии недавно произошла реставрация монархии и в воздухе ощущалось социальное напряжение. Элита нуждалась в стабильном, неконфликтном знании, которое бы могло служить образцом для политического порядка. В этом смысле проект Бойля рассматривался как эталон либерального согласия. Независимые индивиды способны рационально оценить факты и тщательно их зафиксировать для других независимых индивидов, тем самым локальный факт становился общим местом [Shapin & Schaffer, 2011, р. 342]. Однако для Гоббса любое автономное сообщество интеллектуалов, неважно, священники или экспериментаторы, было угрозой суверенитету⁷. Апелляция к коллективному свидетельству повторяла тактику церковников, претендующих на независимую власть, а значит, вела к двоевластию и гражданской войне [Shapin & Schaffer, 2011, р. 310–311, 320–321].

Кембридж

Последний эмпирический кейс, который мы рассмотрим, представлен в работе Маркуса Моргана и Патрика Баерта «Конфликт в академии». В феврале 1981 года в кембриджском Сенат-Хаусе состоялись семичасовые дебаты. Их созвали сторонники Колина Маккейба после того, как Аппаратный комитет отклонил рекомендацию о его повышении. Причиной отказа стали принципиальные разногласия в оценке научной работы Маккейба. Оппоненты сочли его работу о Джойсе «плохой книгой» [Morgan, Baert, 2015, р. 13], а его лекции — некачественными [Morgan, Baert, 2015, р. 12]. Одним из центральных эпизодов стало выступление университетского лектора Майкла Лонга, который, обращаясь к вице-канцлеру и шестистам слушателям, высмеял сам предмет спора. Лонг заявил, что «структурализм» и сопутствующие методологические «-измы» являются вторичными

⁷ Если Бойль был видным членом Лондонского королевского общества, которое давало ему институциональную опору, то Гоббс был под покровительством семьи Кавендиш, имел связи при королевском дворе и поддерживался европейскими интеллектуалами [Shapin & Schaffer, 2011, р. 82–85, 293–296].

и неважными по сравнению с самой литературой [Morgan, Baert, 2015, p. 61]. Другой сотрудник университета Говард Эрскин-Хилл иронично предположил, что некий «мистер Y» из вымышленного университета «Кристминстера» стал жертвой раздутой прессой кампании, тем самым отрицая наличие реального кризиса на английском факультете [Morgan, Baert, 2015, p. 47]. Стивен Хит, один из наиболее активных сторонников Маккейба, потребовал прекратить «убаюкивать себя историями о Кристминстере» и признать, что состояние факультета нуждается в срочном внимании [Morgan, Baert, 2015, p. 47]. Хит также обвинил оппонентов в маккартизме и в том, что при оценке Маккейба не соблюдались надлежащие стандарты и процедуры [Morgan, Baert, 2015, p. 49]. Эрскин-Хилл в ответ заявил, что сторонники Маккейба считают, что одна интерпретация столь же валидна, как и любая другая [Morgan, Baert, 2015, p. 65–66]. Дискуссия не привела к пересмотру решения о неповышении Маккейба, но закрепила публичные роли участников. Лонг и Эрскин-Хилл позиционировали себя как защитников академического здравомыслия, тогда как Хит и его соратники выступали борцами за справедливость и интеллектуальное обновление.

Морган и Баерт концептуализируют этот спор через культурсоциологию и теорию позиционирования. Ключевым понятием выступает перформативное позиционирование — способность участников посредством речевых действий и драматургических приёмов навязывать аудитории нужное «определение ситуации» [Morgan, Baert, 2015, p. 3]. В отличие от статичной «роли», позиционирование динамично. Хит и его команда стремились сакрализовать отказ Маккейбу, подняв его на уровень высших ценностей, апеллируя к справедливости и интеллектуальной открытости. В то же время Лонг и Эрскин-Хилл пытались десакрализовать дебаты, сводя их к рутинному кадровому вопросу. Важным инструментом стала игра с уровнями публичной адресации, то есть масштабом аудитории, перед которой разворачивается спор. Сторонники Маккейба добились переноса дискуссии в Сенат-Хаус — ритуальное сердце университета, что автоматически сделало событие более значимым [Morgan, Baert, 2015, p. 45]. Противники ответили юмором, иронией и вымышленными сюжетами, чтобы расширить границы допустимого и разрушить пафос [Morgan, Baert, 2015, p. 46–47]. Для Морган и Баерта важно показать, что этот конфликт происходит вне прямой связи с личными предпочтениями, на институциональном уровне. Сторонники Маккейба рекрутировались из либеральных колледжей Кембриджа, в то время как их противники из консервативных. Каждая команда исполнения формировала моральную солидарность через интерактивные ритуалы [Morgan, Baert, 2015, p. 35–37]. Это были и неформальные собрания, и совместные ужины, и регулярные заседания коллегиальных комитетов. Солидарность формировалась годами и проявила себя в момент кризиса, когда на кону стоял не столько вопрос должности, сколько

право на интерпретацию литературы. При этом противостоящие стороны отказывались от прямого диспута, так как не разделяли общих критериев оценивания. В этих условиях борьба сместилась в символическую плоскость, где успех зависел не от фактов, а от перформативной власти, то есть от способности сделать свою версию более убедительной для аудитории [Morgan, Baert, 2015, p. 76]. Для Моргана и Баерта академические конфликты представляют собой сложные символические сражения, в которых материальные институциональные и культурные факторы неразрывно переплетены, а результат никогда не предопределен полностью [Morgan, Baert, 2015, p. 77–79].

Внешность бывает обманчива

Как мог заметить читатель, в отобранных нами кейсах на первый план выведены споры конкретных учёных — Пикар против Барта, Фихте против Шеллинга, Гоббс против Бойля, сторонники Маккейба против его оппонентов в Кембридже. Хотя для Бурдье и Коллинза более характерно рассмотрение конфликтов целых дисциплин или институтов, мы сознательно выбрали случаи, на первый взгляд, схожие с нашим, чтобы проверить применимость теоретических рамок классиков. Тем не менее, разобранные споры между отдельными учёными всё равно оказываются встроенными в более широкие структуры: университетское поле, сети внимания, технологии производства фактов в контексте политического порядка или перформативные ритуалы в либеральных и консервативных колледжах. Именно эти большие структуры и придают спорам масштаб и объяснительную силу. Наш же кейс так и не вышел за пределы онлайн-обсуждения. Он не перерос в публикации, конференции или институциональный конфликт. За исключением Инициатора, остальные участники дискуссии не проявляли интереса к продолжению спора и после блокировки просто вернулись к повседневным обсуждениям. Здесь и обнаруживается главное расхождение между нашим случаем и, казалось бы, похожими эпизодами из истории науки. В нашем споре отсутствуют те самые макроструктуры, которые у Бурдье, Коллинза, Шейпина с Шаффером и Моргана с Баертом служат одновременно и причиной, и ставкой конфликта⁸.

⁸ У части читателей на этом этапе может возникнуть два закономерных вопроса. Первый вопрос: вправе ли мы называть спор в онлайн-сообществе научным? Этот вопрос уводит в давнюю и во многом тупиковую дискуссию о демаркации научного знания. Философы науки предлагали разные критерии для отделения науки от ненауки, тогда как, например, релятивистские программы исследования знания (в частности, акторно-сетевая

С чем же связано отсутствие этих макроструктур в нашей дискуссии? Ответ кроется в устройстве самого онлайн-сообщества. Во-первых, оно не обладает устойчивыми институциональными основаниями. Здесь нет ни кафедр, ни жюри конкурсов, ни грантовых комитетов, ни редакционных советов, через которые можно было бы конвертировать символический капитал. Для участников конфликт не представлял ни карьерной, ни репутационной, ни теоретической угрозы в том смысле, в каком она существовала для Барта или Фихте. Во-вторых, сообщество формировалось вокруг интереса к социологии и смежным исследованиям, его участники могут работать в академии, в государственных учреждениях или в бизнесе. Российская социология уже давно не является единым полем. Как показали Сафонова и Соколов, российская социология структурирована вокруг оппозиции «глобалистов» и «локалистов» — двух почти непересекающихся информационных пузырей со своими авторитетами, аудиториями и источниками признания [Сафонова, Соколов, 2021]. Более свежий анализ Печерских на материале 59 российских социологических журналов (2010–2023) даёт похожие результаты. Редакторские сети чётко делятся на кластеры «West», «Center» и «East», которые различаются географией, институциональной базой, тематическими предпочтениями, длиной библиографии и стилем работы [Pecherskikh, 2025]. Эти кластеры тоже почти не пересекаются. Иными словами, борьба в социологии не возникает именно потому, что в России не существует единого интеллектуального поля как пространства объективных отношений и конвертируемых ресурсов⁹. Подробно изучив биографии и научные работы участников дискуссии, мы пришли к выводу, что они относятся к разным кластерам и имеют мало пересечений. Поэтому онлайн-сообщество социальных учёных представляет собой российскую социологию

теория, Эдинбургская и Батская школы) намеренно размывали эти границы. Мы не ставим перед собой задачу провести жёсткую линию демаркации. Тем не менее у нас есть несколько оснований считать анализируемый конфликт научным спором. Во-первых, его предметом является конвенционально признанный метод фокус-групп. Во-вторых, ключевые участники имеют учёные степени, связаны (или были связаны) с академией и публикуются в рецензируемых журналах. В-третьих, подавляющее большинство членов сообщества хорошо знакомы с методом либо на практике, либо через преподавание, либо благодаря профессиональной литературе. Второй вопрос: почему дискуссия в интернете сопоставима с научными спорами вроде Фихте и Шеллинга? Здесь стоит обратить внимание, что мы не сравниваем не споры между собой, а теоретические рамки и объяснительные ресурсы, предлагаемые социологией социального и гуманитарного знания. При этом эмпирический материал имеет значение, и мы к этому еще вернёмся.

⁹ Из этого следует, что локализованный спор, происходящий, например, среди сотрудников российского социологического факультета, мог бы иметь значимые последствия.

в миниатюре в том смысле, что у них нет общеразделяемых критериев и ресурсов¹⁰.

Но отличие нашего кейса не только в отсутствии макроструктур и фрагментарности российского поля. Все четыре конфликта были отобраны социологами не только как яркие иллюстрации, но прежде всего потому, что каждый из них имел долгосрочное историческое влияние на развитие соответствующих дисциплин. Спор о «новой критике» между Пикаром и Бартом ускорил проникновение структурализма и семиотики во французские университеты и способствовал формированию постструктурализма. Poleмика Фихте и Шеллинга заложила основу для размежевания немецкого идеализма на конкурирующие школы, которые затем определяли философский ландшафт XIX века. Конфликт Гоббса и Бойля стал одним из основополагающих событий в истории науки, так как он зафиксировал рождение экспериментального метода и определил границы между философией и естествознанием. Наконец, кембриджские дебаты 1981 года вокруг повышения Колина Маккейба во многом сыграли ту же роль, что и французский спор о «новой критике», и стали символом культурного сдвига 1980-х в англоязычной филологии. Но насколько часто учёные принимают участие в конфликтах, которые действительно становятся поворотными событиями? Описываемые теории во многом говорят об очень редких явлениях. Спор вокруг фокус-групп намного ближе к реальной науке, чем может показаться, но такие диспуты чаще находятся в тени.

Именно способность споров запускать или закреплять крупные интеллектуальные и институциональные трансформации делает конфликты столь привлекательными для исследователей. Характерно, что во всех этих примерах предметом анализа становятся уже состоявшиеся конфликты, доступные в виде текстов, архивов или реконструированных дискуссий. Во многом такой подход кажется разумным: чем больше данных, тем более проработанной будет теория. В «*Nomos academicus*» Бурдье объясняет, что намеренно выждал 15 лет для того, чтобы на историческом отдалении лучше увидеть структурные проблемы, избежать ангажированного объяснения и не стать невольным участником событий мая 1968 года [Бурдье, 2018, с. 70–71, 306–307]. Такое состояние дел характерно для всей области социологии гуманитарного и социального знания. Эта особенность проявляется и в научных журналах. В *Minerva* [Taubert, 2012], в *History of Social Sciences* и в молодом журнале *Serendipities* споры преимущественно рассматриваются как завершённые. Программные сборники также обращаются к историческим материалам¹¹.

¹⁰ Это не означает, что онлайн-сообщество репрезентирует российскую социологию в статистическом смысле. Речь идёт о том, что участники дискуссии принадлежат к разным кластерам, выделенным в приведенных выше исследованиях.

¹¹ Речь идёт о [Camic, Gross, Lamont, 2012], [Calhoun, 2008], [Backhouse, Fontaine, 2014].

Наша дискуссия о фокус-группах произошла недавно. Она едва ли приведёт к методологическим сдвигам, формированию новых школ или перестройке институциональных границ¹². Иными словами, у этого спора нет исторического веса, и по критериям классиков его следовало бы признать незначительным и не заслуживающим внимания. Когда Дэвид Блур столкнулся с тем, что социология науки занимается только ложным знанием, игнорируя производство фактов в естественных науках, он предложил сильную программу в социологии знания. Принцип беспристрастности Блура заключается в том, что истинному и ложному знанию должно уделяться равное внимание [Блур, 2002, с. 5]. Если применить этот принцип к социологии социального и гуманитарного знания, то значительные и незначительные кейсы заслуживают одинакового внимания. Известны работы, которые фокусируются на забытых группах или второстепенных персонажах. Прежде всего они представлены в области расовых и гендерных исследований, а также в микроистории¹³. Более того, в Science and Technology Studies (STS) есть немало примеров не исторических исследований, построенных на этнографии науки или анализе незавершённых конфликтов¹⁴. Спор вокруг фокус-групп даёт возможность зафиксировать конфликт до того, как он будет отфильтрован и превращён в историю. Ценность такого подхода в том, чтобы показать практикующим исследователям, какие темы и разногласия реально занимают их коллег.

Это не означает, что инструментарий рассмотренных теорий совершенно бесполезен для нашего кейса. Ближе всех к пониманию спора о фокус-группах оказываются Морган и Баерт с их перформативным позиционированием¹⁵. Действительно, участники пытались навязать аудитории «правильное» определение метода. Инициатор настаивал на чётком соблюдении процедур, образующих устойчивые границы метода. Деталист проблематизировал эти границы, говорил о нюансах применения фокус-групп и об альтернативных методах для решения схожих задач. Прагматик занимал близкую позицию, но акцентировал внимание на том, что метод проверяется не доктри-

¹² О перспективах мы поговорим чуть ниже.

¹³ См. [Sarkar, 2008], [Гинзбург, 2000].

¹⁴ См. этнографические работы [Latour, Woolgar, 1979] или [Knorr-Cetina, 1999], незавершённые конфликты [Collins, 1981].

¹⁵ Вероятнее всего это связано с тем, что в основе их теоретической рамки лежит драматургическая социология Гофмана. В неё вшито наблюдение за актёрами, внимание к мало представленным группам, например, постояльцев психиатрических клиник, наблюдение публичных взаимодействий.

ной, а результатом. У Моргана и Баерта перформативные акты опирались на институциональную сцену, состоящую из Сенат-Хауса, вице-канцлера и колледжей. Как уже отмечалось, в нашем случае такой институциональной основы нет, однако само сообщество становится публикой, которая оценивает происходящее. Публика не предоставляет ресурсов в виде кафедр, грантов или научного признания, но способна влиять на ход дискуссии через эмоциональную поддержку одной из сторон, и именно эту поддержку Коллинз считал ключевым ресурсом интерактивного ритуала.

Локальная академическая цивилизация

На этом мы завершаем обращение к классическим теориям. Они помогли нам понять, чего именно в споре о фокус-группах нет. Дальнейший анализ должен показать, что в нём всё-таки есть. Наиболее продуктивной рамкой для объяснения случившегося оказывается концепция академической (де)цивилизации, предложенная Михаилом Соколовым [Соколов 2012, с. 21–30]. Переноса идеи Норберта Элиаса о процессе цивилизации как сдерживании аффектов в пространство науки [Элиас, 2001, т. 1, с. 214, 237], Соколов описывает, как учёные постепенно учатся контролировать поведение, предвидеть ходы оппонентов и вырабатывать чувство солидарности с теми, кто способен оценить затраченные интеллектуальные усилия [Соколов, 2012, с. 22–23]. Децивилизация проявляется в возвращении к природному состоянию, где любое несогласие интерпретируется как проявление глупости или недобросовестности, аргументы оппонента отвергаются как бездоказательные, а дискуссия в конечном счёте сводится к ссоре. [Соколов, 2012, с. 22]. В цивилизованном состоянии ученые не позволяют эмоциям брать верх и воспринимают оппонента не как врага, а как коллегу, под давлением аргументов которого они готовы менять свои представления о реальности. Подлинной ставкой спора была не истина о методе, а включение в круг цивилизованных.

Начало конфликту положил Инициатор, когда обвинил Деталиста в некомпетентности, нарушении научной этики и использовании манипулятивных техник. В процессе перепалки Инициатор высказался ещё грубее. Однако коллеги ставили негативные реакции под его сообщениями и критиковали тон разговора. Тогда он смягчил риторику, перейдя к обоснованию своих претензий. Но это ему не помогло: метод фокус-групп оказался на периферии, в центре внимания была манера ведения дискуссии. Почему аффектам уделяется такое внимание в теории цивилизации? Для Норберта Элиаса вспышки гнева и неконтролируемая агрессия были повседневной

нормой там, где ещё не сложилась устойчивая монополия на насилие [Элиас, 2001, т. 1, с. 273–275]. Такое поведение было непредсказуемым, постоянно угрожало жизни и делало невозможным установление сколько-нибудь стабильных взаимных ожиданий, необходимых для длительной совместной жизни [Элиас, 2001, т. 1, с. 237]. Суть процесса цивилизации заключается в том, чтобы под давлением социальных связей и государства постепенно обуздывать и сдерживать аффекты, превращая внешнее принуждение в самопринуждение [Элиас, 2001, т. 2, с. 237–238]. Аффекты не исчезают, но меняют свой порог проявления. Спонтанные вспышки насилия вытесняются более ровным, предсказуемым поведением, а самоконтроль становится главным механизмом, делающим конфликты менее смертоносными [Элиас, 2001, т. 1, с. 239–240].

В науке, и особенно в академических дискуссиях, ставки напрямую не связаны с жизнью и смертью, однако логика остаётся прежней. Никто не хочет из-за поражения в споре лишиться репутации, доступа к ресурсам или простой возможности публиковаться. Ошибка не должна обходиться слишком дорогой ценой. Именно в этом смысле академическая цивилизация позволяет сохранить лицо. Признать, что твоя позиция была неполной или ошибочной, не означает потерять всё. Аффективными выпадами Инициатор превратил процедурное выяснение истины в публичную конфронтацию. В сообществе, где никто не имеет реальной монополии на знание, определять границы научности — значит претендовать на эту монополию. В ответ другие участники тоже начали проявлять аффекты, но исключительно в адрес Инициатора¹⁶. Что показательно, уже после блокировки Инициатора, Деталист и Прагматик решили узнать позиции друг друга по фокус-группам. В некоторых аспектах они не сошлись, что не помешало им цивилизованно закончить дискуссию.

Соколов выделяет три причины, по которым участники могут быть увлечены дискуссией: космологическая, репутационная и сюжетная [Соколов 2012, с. 26]. Космологическая причина связана с эмоционально нагруженными представлениями о том, как устроен мир, и потребностью постоянно получать подтверждение своей картины реальности. Репутационная причина возникает потому, что интеллектуальное лицо становится ставкой в дебатах. Наша способность приводить и воспринимать рациональные аргументы необходима для публичного образа ученого. Наконец, сюжетная причина — это

¹⁶ В теории Баерта и Моргана «сакральное и профанное» даёт похожее объяснение, но почему сакральное и профанное выглядят в нашем споре именно таким образом, они объяснить не могут. Какие коллективные ритуалы поддерживают эту дихотомию и почему всё онлайн-сообщество фактически противопоставило себя Инициатору? Рамка Баерта и Моргана становится недостаточной.

получение удовольствия от развёртывания аргументов и неожиданности развязки. Соколов считает, что процесс академической цивилизации сопровождается вытеснением космологических интересов репутационными и, отчасти, сюжетными [Соколов, 2012, с. 26]. Выше, опираясь на исследования Соколова, Сафоновой и Печерских, а также на проверку биографий и научных работ самих участников спора, мы показали, что они принадлежат к разным, почти непересекающимся кластерам российского социологического поля. Следовательно, их карьерные и институциональные ресурсы не распространяются друг на друга. В этой ситуации единственным доступным ресурсом в споре оказались внимание и эмоциональная поддержка публики. Рамка Моргана и Баерта хорошо работает с этими ресурсами, но через их оптику невозможно понять, о чем будет идти дальнейшее обсуждение. Мы решили разложить весь конфликт на отдельные разговоры, где главными критериями были ответы участников на сообщения друг друга и поддержание определённой темы. Мы поделили темы по причинам, выделенным Соколовым¹⁷.

Острая фаза длилась четыре дня и собрала более десяти активных участников. Обсуждение естественным образом сочетало сюжетные и космологические темы. Участники обменивались комментариями, иногда явно получая удовольствие от самого процесса общения, параллельно разбирая суть метода фокус-групп: можно ли перенести техники глубинного интервью в групповой формат, какова роль эмоций, где проходят границы применимости. Космология не была на первом плане, но естественно встраивалась в дискуссию. Однако Инициатор почти полностью игнорировал и сюжетные, и космологические темы. Из двенадцати выделенных нами эпизодов половина относилась к репутационным, и именно в этих обсуждениях он оставался постоянным и наиболее активным участником. Может показаться, что мы выстраиваем жесткую оппозицию между цивилизацией и варварством, между единым онлайн-сообществом и Инициатором. Это неверная интерпретация. Тот факт, что Инициатор оставался внутри только репутационных тем, говорит о том, что он стремился сохранить лицо. Обратим ещё раз внимание на то, что под давлением публики он смягчил и пытался обосновать свою позицию. Отвечая на личные вопросы коллег, касающихся космологических тем, он отсылал к своим работам. В то же время он также подвергался аффектам со стороны Прагматика и во время конфликта, и уже после его завершения. Реальность сложнее наших концептов, но они способны уловить то, что скрывает обыденный язык. Если спор о фокус-группах закончился ничем, то спор о цивилизованности

¹⁷ Так как в нашем анализе темам соответствуют определенные причины, то в дальнейшем мы будем называть космологическими, репутационными и сюжетными темами.

закончился явным поражением Инициатора, а онлайн-сообщество продемонстрировало, что может называть себя локальной академической цивилизацией.

Что находилось вне спора?

В самом начале мы упомянули Старожила, который ещё до конфликта иронизировал по поводу обсуждения фокус-групп. Он явно относился к этой дискуссии несерьёзно, хотя она проходила в цивилизованном ключе. Причина такого отношения кроется в том, что спор о фокус-группах происходит далеко не первый раз. Инициатор десятилетиями воспроизводит одну и ту же дискуссию, настаивая на своей точке зрения. Соколов частично объясняет реакцию Старожила. Логика академической цивилизации подразумевает, что учёные будут и следовать моде, и постоянно развивать свои теории [Соколов, 2012, с. 26]. Развитие необязательно подразумевает прогресс, подобно тому, как в придворном обществе изменение фасона платья не предполагает улучшение его объективных качеств. Для социологии знания прогресс в социальных и гуманитарных науках давно поставлен под вопрос¹⁸. Но если прогресса в реальности не происходит, почему мы его ожидаем от коллег? Герберт Ганс считает, что мы страдаем от социологической амнезии [Gans, 1992]. В фокусе нашего внимания находятся либо классические работы, либо «актуальные» исследования наших интеллектуальных отцов и ровесников. Из-за такого распределения мы невольно воспроизводим старые идеи в новой обёртке. Роберт Мертон для того же феномена ввел понятие «множественность открытий» [Merton, 1973, р. 371–383]. В его логике научное знание развивается кумулятивно и поэтому схожие открытия неизбежны¹⁹.

Эндрю Эбботт, хотя в ранней работе был полностью на стороне Ганса [Abbott, 2001, р. 15], после проведения количественного исследования библиографий нескольких крупных американских журналов пришёл к выводу, что доля ссылок на работы моложе 10 лет снижается [Abbott, 2006, р. 3]. В его трактовке кумуляция служит не столько

¹⁸ Это утверждение не для всех справедливо. Например, Коллинз считает, что в философии прогресс возможен посредством перехода на более высокий уровень абстракции [Коллинз, 2002, с. 310, 337, 598]. А проблема прогресса в социальных науках заключается в том, что у нас накоплено мало эмпирического материала, чтобы сдвинуть теорию вперед [Collins, 1989]. В любом случае, сторонники наивно-эпистемологического взгляда находятся в меньшинстве [Соколов, 2015, с. 22].

¹⁹ Важно отметить, что для Мертона этот тезис справедлив и для естественных наук, и для наук о человеке.

объективным приращением знания, сколько способом осмысления карьерного опыта учёного. С этой точки зрения, для исследователя ценность представляет работа по развитию концепций, которая позволяет выстраивать связную профессиональную биографию внутри локального сообщества. Иными словами, вера в кумуляцию — это способ, которым учёные придают смысл своей работе. Именно эту логику разделяет Старожил. Его ироничное отношение к попыткам Инициатора в очередной раз пересмотреть метод фокус-групп коренится в убеждении, что повторение одних и тех же тезисов без концептуального обновления бессмысленно.

Заключение

Мы начали с локального, почти бытового конфликта в профессиональном онлайн-сообществе. Спор о фокус-группах не привёл к смене методологических парадигм, не расколол институт на враждующие школы и не оставил после себя архива полемических публикаций. Через несколько дней участники разошлись по своим рабочим задачам, а наиболее эмоциональный из них оказался временно заблокирован. По меркам классической социологии науки перед нами случай, остающийся на периферии внимания. Однако именно эта «незначительность» позволяет увидеть, как научный спор выглядит в отсутствие макроструктур. Париж, Йена, Лондон, Кембридж научили нас искать за методологическими разногласиями борьбу за позиции в поле, динамику сетей внимания, политический контекст или перформативные ритуалы. Все эти оптики предполагают, что конфликт закреплён в институциональной ткани, имеет долгосрочные последствия и асимметричные ресурсы у сторон.

Как было показано выше на примере исследований Соколова, Сафоновой и Печерских, а также на основе анализа биографий и научных работ участников, они принадлежат к разным, почти непересекающимся кластерам российского социологического поля. Их карьерные и институциональные ресурсы не распространяются друг на друга, поэтому единственным доступным ресурсом в споре оказались внимание и эмоциональная поддержка публики. Концепция академической (де)цивилизации Михаила Соколова оказывается более чувствительной к динамике аффектов и самоконтроля в локальных, институционально не встроенных спорах. Наш кейс показывает, что даже малый спор, не оставивший следа в истории идей, позволяет увидеть механизмы поддержания порядка в академическом обществе. В отсутствие внешнего арбитра и конвертируемых ресурсов соблюдение цивилизованной манеры становится главным критерием

включённости в сообщество. Эпизоды такого рода, возможно, формируют повседневную ткань науки в той же мере, что и громкие интеллектуальные баталии, с той лишь разницей, что в них на первый план выходят не столько теоретические истины, сколько практические границы допустимого.

Литература

1. Блур Д. Сильная программа в социологии знания / Пер. с англ. С. Гавриленко под ред. А. Толстова // Логос. 2002. № 5/6. С. 1–24.
2. Бурдье П. Homo academicus / пер. с фр. С. М. Гавриленко [и др.]; под науч. ред. Е. В. Кочетыговой, Н. В. Савельевой. М.: Изд-во Института Гайдара, 2018.
3. Гинзбург К. Сыр и черви: картина мира одного мельника, жившего в XVI веке / пер. с итал. М.: Новое литературное обозрение, 2000.
4. Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения / пер. с англ. Н. С. Розова, Ю. Б. Вертгейм. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002.
5. Розов Н. С. Введение // Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. С. 7–31.
6. Сафонова М. А., Соколов М. М. Глобалисты и локалисты: структура российского социологического поля // Социологическое обозрение. 2021. Т. 20. № 2. С. 9–39.
7. Соколов М. М. Академическая (де)цивилизация // Социология власти. 2012. № 6–7. С. 21–30.
8. Соколов М. М. Социология как чудо. Процесс sense-building в одной академической дисциплине // Социология власти. 2015. Т. 27. № 3. С. 13–57.
9. Элиас Н. О процессе цивилизации: социогенетические и психогенетические исследования: в 2 т. М.: Университетская книга, 2001.
10. Abbott A. Chaos of Disciplines. Chicago: University of Chicago Press, 2001.
11. Abbott A. Methods of Discovery: Heuristics for the Social Sciences. — New York: W. W. Norton & Company, 2004.
12. Abbott A. Reconceptualizing knowledge accumulation in sociology // The American Sociologist. 2006. Т. 37. № 2. С. 57–66.
13. Backhouse R. E., Fontaine P. (ed.). A historiography of the modern social sciences. — Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
14. Calhoun C. (ed.). Sociology in America: A history. Chicago: University of Chicago Press, 2008.
15. Camic C., Gross N., Lamont M. (ed.). Social knowledge in the making. Chicago: University of Chicago Press, 2012.
16. Collins H. M. Son of seven sexes: The social destruction of a physical phenomenon // Social studies of science. 1981. Т. 11. № 1. С. 33–62.
17. Collins R. Sociology: Proscience or Antiscience? // American Sociological Review. 1989. Vol. 54. № 1. P. 124–139.
18. Gans H. J. Sociological Amnesia: The Noncumulation of Normal Social Science // Sociological Forum. 1992. Vol. 7. No. 4. P. 701–710.
19. Harrington A. From Hegel to the Sociology of Knowledge: Contested Narratives // Theory, Culture & Society. 2001. Т. 18. №. 6. С. 125–133.

20. *Knorr-Cetina K.* Epistemic cultures: How the sciences make knowledge. Cambridge: Harvard University Press, 1999.
21. *Latour B., Woolgar S.* Laboratory Life: The Social Construction of Scientific Facts. Beverley Hills: Sage, 1979.
22. *Merton R. K.* Multiple Discoveries as Strategic Research Site // *The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations*. Chicago; London: University of Chicago Press, 1973. P. 371–383.
23. *Morgan M., Baert P.* Conflict in the Academy: A Study in the Sociology of Intellectuals. London: Palgrave Macmillan, 2015.
24. *Pecherskikh A.* Editorial Interlocking in the Periphery: Mapping the Overlap of Social and Topical Boundaries in Russian Sociology // *The American Sociologist*. 2025. P. 1–29.
25. *Sarkar M.* Visible Histories, Disappearing Women: Producing Muslim Womanhood in Late Colonial Bengal. Durham; London: Duke University Press, 2008.
26. *Shapin S., Schaffer S.* Leviathan and the air-pump: Hobbes, Boyle, and the experimental life. Princeton: Princeton University Press, 2011.
27. *Taubert N.* The role of scientific journals in the emergence of a scientific field: The case of sociology in Germany // *Minerva*. 2012. Vol. 50. No. 4. P. 429–452.

Andrey Suvorov

A small dispute in the big sociology of science

Andrey Suvorov — 4th-year undergraduate student, ION RANEPa. **Address:** Moscow, Prospekt Vernadskogo, 82, building 2. **E-mail:** as2453@yandex.ru.

Abstract: The article analyzes a scientific controversy that arose within a professional online community of social researchers around the use of a particular research method. Using this local and seemingly small dispute as a case study, the author questions the applicability of classical sociological theories of scientific conflicts (P. Bourdieu, R. Collins, S. Shapin & S. Schaffer, M. Morgan & P. Baert). It is shown that, unlike the historically significant disputes analyzed by the classics of the sociology, this case lacks macrostructural foundations. However, this contrast points not so much to the insignificance of the case itself, but rather to a persistent disciplinary bias favoring conflicts with long-term consequences. The most productive framework for analysis proves to be M. Sokolov's concept of academic (de)civilization, which allows interpreting the dispute as a clash not so much of methodological positions, but of different ideas about civilized debate in the absence of an external arbiter. The article demonstrates how the affective outbursts of one participant shifted the focus from the content of the method to the manner of discussion.

Keywords: scientific controversies, sociology of science, academic civilization, Russian sociology, sociology of knowledge, sociology of social and human knowledge.

For citation: Suvorov, A. (2026) A small dispute in the big sociology of science. *Russia's Directions*. Vol. 4. No. 2. P. 72–96.

References

1. Abbott A. (2001). *Chaos of Disciplines*. Chicago: University of Chicago Press.
2. Abbott A. (2004). *Methods of Discovery: Heuristics for the Social Sciences*. New York: W. W. Norton & Company.
3. Abbott A. (2006). Reconceptualizing knowledge accumulation in sociology. *The American Sociologist*. Vol. 37. No. 2. P. 57–66.
4. Backhouse R. E., Fontaine P. (ed.) (2014). *A historiography of the modern social sciences*. Cambridge: Cambridge University Press.
5. Bloor D. (2002). Sil'naja programma v sociologii znaniya. Per. s angl. S. Gavrilenko pod red. A. Tolstova. *Logos*. No. 5/6. P. 1–24. (In Russ.)
6. Bourdieu P. (2018). *Homo academicus*. per. s fr. S. M. Gavrilenko [i dr.]; pod nauch. red. E. V. Kochetygovoj, N. V. Savel'evoy. M.: Izd-vo Instituta Gajdara. (In Russ.)
7. Calhoun C. (ed.) (2008). *Sociology in America: A history*. Chicago: University of Chicago Press.
8. Camic C., Gross N., Lamont M. (ed.) (2012). *Social knowledge in the making*. Chicago: University of Chicago Press.
9. Collins H. M. (1981). Son of seven sexes: The social destruction of a physical phenomenon. *Social studies of science*. Vol. 11. No. 1. P. 33–62.
10. Collins R. (1989). Sociology: Proscience or Antiscience? *American Sociological Review*. Vol. 54. No. 1. P. 124–139.
11. Collins R. (2002). *Sociologija filosofij: global'naja teorija intellektual'nogo izmenenija*. Per. s angl. N. S. Rozova, Ju. B. Vertgejm. Novosibirsk: Sibirskij hronograf. (In Russ.)
12. Elias N. (2001). *O processe civilizacii: sociogeneticheskie i psihogeneticheskie issledovanija*. In 2 vol. M.: Universitetskaja kniga. (In Russ.)
13. Gans H. J. (1992). Sociological Amnesia: The Noncumulation of Normal Social Science. *Sociological Forum*. Vol. 7. No. 4. P. 701–710.
14. Ginzburg K. (2000). *Syr i chervi: kartina mira odnogo mel'nika, zhivshego v XVI veke*. Per. s ital. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
15. Harrington, A. (2001). From Hegel to the Sociology of Knowledge: Contested Narratives. *Theory, Culture & Society*, 18(6). P. 125–133.
16. Knorr-Cetina K. (1999). *Epistemic cultures: How the sciences make knowledge*. Cambridge: Harvard University Press.
17. Latour B., Woolgar S. (1979). *Laboratory Life: The Social Construction of Scientific Facts*. Beverley Hills: Sage.
18. Merton R. K. (1973). Multiple Discoveries as Strategic Research Site. In: *The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations*. Chicago; London: University of Chicago Press. P. 371–383.
19. Morgan M., Baert P. (2015). *Conflict in the Academy: A Study in the Sociology of Intellectuals*. London: Palgrave Macmillan.
20. Pecherskikh A. (2025). Editorial Interlocking in the Periphery: Mapping the Overlap of Social and Topical Boundaries in Russian Sociology. In: *The American Sociologist*. P. 1–29.
21. Rozov N. S. (2002). Vvedenie. In: Collins R. *Sociologija filosofij: global'naja teorija intellektual'nogo izmenenija*. Novosibirsk: Sibirskij hronograf. P. 7–31. (In Russ.)
22. Safonova M. A., Sokolov M. M. (2021). Globalisty i lokalisty: struktura rossijskogo sociologicheskogo polja. *Sociologicheskoe obozrenie*. T. 20. No. 2. P. 9–39. (In Russ.)
23. Sarkar M. (2008). *Visible Histories, Disappearing Women: Producing Muslim Womanhood in Late Colonial Bengal*. Durham; London: Duke University Press.

24. Shapin S., Schaffer S. (2011). *Leviathan and the air-pump: Hobbes, Boyle, and the experimental life*. Princeton: Princeton University Press.
25. Sokolov M. M. (2012). Akademicheskaja (de)civilizacija. *Sociologija vlasti*. No. 6–7. P. 21–30. (In Russ.)
26. Sokolov M. M. (2015). Sociologija kak chudo. Process sense-building v odnoj akademicheskoy discipline. *Sociologija vlasti*. T. 27. No. 3. P. 13–57. (In Russ.)
27. Taubert N. (2012). The role of scientific journals in the emergence of a scientific field: The case of sociology in Germany. *Minerva*. Vol. 50. No. 4. P. 429–452.